

Синь Юаньань, услышав её вопрос, не стал скупиться на объяснения. Он провёл пальцем по краю стола, где лежал свиток с именем Цянь Имина, и довольно презрительно фыркнул:

— Хотя этот человек и восхищается победителем в интригах заднего двора, он, пожалуй, едва ли сможет полюбить того, кто прибег к подобным методам, чтобы подсунуть ему шуана или женщину. Поэтому, если ты приведёшь супругов Цянь, то по их понятиям они непременно заставят его принять шуана. В ближайшее время ему придётся поселить шуана в доме, и он не сможет решиться просто убрать его, чтобы раз и навсегда устранить угрозу.

Не только он испытывал презрение к Цянь Имину, но и женщина в хуфу, стоявшая позади, услышав это, тоже покачала головой и нахмурилась с неодобрением:

— Всего лишь взятый в услужение шуан, а он уж так не может его потерпеть. Если бы родители не увидели, он бы и вовсе того шуана убил... Просто... невыносимый человек.

Услышав, как она так отозвалась о Цянь Имине, Синь Юаньань приподнял бровь. Медленно сжигая свиток с донесением в огне, он произнёс:

— Он действительно человек с редким, странным характером... аристократ, каких не видели сто лет.

Женщина в хуфу видела, как он сжигает свиток, и уже собралась поклониться и удалиться, как вдруг услышала, как её хозяин пробормотал себе под нос:

— Поэтому если он после принятия этого шуана, не будучи замеченным родителями, всё утвердится как факт, то он непременно расправится с этим шуаном, которого невзначай взял на дворцовом пиру... Если в тот момент он увидит, что шуан не проявляет сопротивления, а просто послушно следует словам его родителей, тогда...

На дворцовом пиру Гу Чжису уже подготовился к тому, чтобы Хань Мэн действовал. Если Цянь Имин примет Хань Мэна, в его сердце непременно зародится желание убить его, но позже он увидит лицо Хань Мэна. Если Цянь Имин действительно любит Гу Чжису, даже если Хань Мэн его подставил, он всё равно оставит его рядом. Тогда супруги Цянь станут не только гарантией того, что Цянь Имин не убьёт его, но и инструментом, с помощью которого Хань Мэн сможет получить статус в доме.

Вспомнив о сходстве Хань Мэна с Гу Чжису, Синь Юаньань почувствовал горечь, и его лицо омрачилось.

Она, наблюдая, как её господин произнёс эти слова, заметила, что его лицо словно потемнело, и с любопытством спросила:

— Господин, что это значит?

В следующий момент его холодные тёмно-синие глаза резко устремились на неё, и она, испугавшись, опустилась на колени.

— Господин, это Юэ Яо слишком много болтает, прошу прощения!

Синь Юаньань, глядя на её чёрные волосы, медленно перебирал пальцами, и мрачное выражение на его лице постепенно спало. Он опустил глаза и тихо засмеялся:

— С твоим живым характером, если ты будешь служить ему, возможно, всё будет лучше... Иди.

На этот раз Юэ Яо, хотя и была любопытна, не осмелилась больше вмешиваться. После инцидента с Юэ Мэй слухи о том, что её господин нашёл свою возлюбленную, распространились повсюду. Она знала, что её господин говорил о той возлюбленной, но сама её никогда не видела. В её сердце возникло ожидание, сравнивая того, кто, как говорили, был очень мягким человеком, с её холодным господином.

Неужели господин действительно сказал, что она сможет служить тому человеку?

Юэ Яо осторожно вышла из комнаты, собираясь закрыть дверь, но, закрывая резные двери, она случайно увидела, как её господин, стоящий спиной к ней, взял в руки зелёную нефритовую подвеску с двумя рыбами и с нежностью смотрел на неё, словно сквозь неё видя другого человека.

В день дворцового пира по случаю Праздника Цяньцю небо было хмурым, холодный ветер резал, как нож, а мелкий снег падал, пронизывая до костей.

Гу Чжису в комнате был плотно укутан Цинхуань, и на его теле была видна только половина его белого лица. Он от природы боялся холода, но не считал это проблемой. Выйдя на улицу, он крепче сжал ручную грелку и, дойдя до главных ворот резиденции князя И, поклонился старой госпоже и госпоже Синь, которые уже сели в повозку, а затем, спрятав руки в рукава, стал ждать, когда выйдут законные сыновья и дочери третьего дома.

Гу Хайчао ещё не вернулся в резиденцию князя И, Гу Хайтан была заперта во дворе, Гу Чжицзин не могла пойти из-за сыпи, и весь первый дом был представлен только Гу Чжису. Он не торопился садиться в повозку, а стоял на месте, дожидаясь, пока пройдут члены второго дома, а затем медленно подошёл к группе детей от наложниц, к самому последнему из них.

Гу Чжихуай сегодня был одет довольно легко, его лицо было бледным, и он кашлял, выходя на улицу. Увидев, что Гу Чжису подошёл, он улыбнулся:

— Почему ты не сел в повозку, а ждёшь здесь меня?

После инцидента с падением в воду Гу Чжису и Гу Чжихуай стали более близки, и на прошлом дворцовом пиру Гу Чжису доверил Гу Чжицзин ему. Поэтому теперь в доме он больше всего общался с Гу Чжихуаем. Увидев, что тот не взял ни рукавов, ни грелки, он жестом велел Хань Мэну передать запасную грелку Гу Чжихуаю. Гу Чжихуай, увидев, что ему передают грелку, не стал отказываться, а лишь прищурился и улыбнулся.

— Ты всё помнишь, спасибо.

Гу Чжису, увидев, что он с готовностью принял грелку, невольно улыбнулся и, кивнув в сторону госпожи Синь, фыркнул:

— Я же жду, чтобы попасть к вам в повозку, из третьего дома. Там мне нет места. А если бы я не помнил тебя, разве пустил бы ты меня?

Гу Чжихуай, увидев его улыбку, которая ещё больше подчёркивалась меховой опушкой, тоже обрадовался. Он знал, что первый дом отстраняет Гу Чжису, а в третьем доме он был единственным шуаном от наложницы. Ему нравился этот младший брат, который был похож на него по статусу, но превосходил его в умениях, поэтому он слегка приблизился к нему и сказал:

— Что за разговоры, пойдём, на улице холодно.

Гу Чжису знал, что госпожа Синь не будет о нём заботиться, поэтому последовал за Гу Чжихуаем в повозку третьего дома. Он заметил, что повозка снаружи выглядела довольно просто и была вдвое меньше, чем повозки, в которых ехали законные сыновья и дочери, но не почувствовал дискомфорта. Войдя внутрь, он удобно устроился на мягкой подушке, но услышал, как Гу Чжихуай спросил:

— Я слышал, твоя сестра заболела, ей стало лучше?

Услышав вопрос о Гу Чжицзин, Гу Чжису опустил глаза. Вспомнив, как позже, когда он пришёл её навестить, госпожа Цзюнь даже не вышла к нему, а послала служанку, чтобы он держался подальше и не заразился сыпью, он тихо ответил:

— Сыпь заразна, я не могу войти во двор, а люди во дворе не могут выйти. Цинхуань сказала, что, кажется, ей стало лучше.

Гу Чжихуай не ожидал, что всё будет настолько серьёзно, и невольно забеспокоился. Взглянув на его лицо, он пробормотал:

— Так ли это... Не волнуйся, всё наладится.

— Не беспокойся, я в порядке. — Гу Чжису легко сменил тему и, глядя на его бледное лицо, спросил:

— А ты? Ты так слаб, как ты вышел на улицу без грелки?

Услышав это, улыбка Гу Чжихуая слегка поблекла. Он крепче сжал грелку и, опустив глаза, тихо сказал:

— Слуги во дворе не очень ловкие... Это мать дала, и я не могу просто выгнать его. В любом случае, мне всё равно... — Гу Чжису знал, что в третьем доме, учитывая похотливый характер Гу Вэньина, было много наложниц и детей от них, но выжил только Гу Чжихуай, оставшийся без матери. Он был слаб с рождения, много лет принимал лекарства и жил уединённо, никогда не вызывая проблем. Третий дом не был в центре внимания, как первый, но притеснения законной матери были неизбежны.

Гу Чжису вспомнил, как в прошлой жизни Гу Чжихуай выходил из дома всего несколько раз. После того, как он сам женился на наследном принце, он слышал, что Гу Чжихуай, достигнув восемнадцати лет, выдали замуж за министра ритуалов в качестве наложницы, а через несколько лет он умер от болезни. В его сердце возникли сложные чувства, и он невольно тихо позвал:

— Третий брат.

Гу Чжихуай, услышав его зов, тут же поднял на него глаза, в которых отражалась чистая ясность:

— Что?

Гу Чжису, глядя на его бледное лицо в полумраке, серьёзно спросил:

— Есть одна вещь, о которой я хочу тебя спросить.

Гу Чжихуай, увидев его серьёзное выражение лица, тоже перестал улыбаться и тихо, но

earnestly ответил:

— Ты называешь меня третьим братом, если я знаю, то обязательно отвечу.

— Третий брат, ты ненавидишь третьего дядю?

— Ненавижу? — В полумраке повозки лицо Гу Чжихуая мерцало в слабом свете, и его выражение было неясным. — Нет, я не ненавижу... Но и не люблю. Он для меня, и я для него — просто чужие.

<http://bllate.org/book/16652/1525992>